

ВЛИЯНИЕ НАУЧНЫХ ЭЛИТ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

*Ляховенко О.И.,
аспирант кафедры российской политики факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
evilisinside@mail.ru*

Актуальность темы – роль и степень влияния научной элиты на политический процесс и принятие управленческих решений в России – определяется ее фактическим положением на пересечении сразу нескольких принципиально важных и значимых предметных полей, находящихся в фокусе внимания политической науки.

С одной стороны, тема является прямым «практическим» следствием макросоциальных подходов, изучающих влияние современных процессов в сфере развития науки, техники, технологии и средств коммуникации и связи на общественную (в широком) и общественно-политическую (в узком смысле) жизнь. Анализируя концептуальные подходы Дж. Гэлбрейта [2], Д. Белла [6], Э. Тоффлера [5], рассуждающих о техноструктуре, «метаморфозах власти» [4], обществе знания, мощной трансгрессии в сторону постиндустриального общества и «третьей волны» [5], мы прямо подходим к тезису о *возрастающей роли знания*¹ в организации социальных процессов и жизни общества как такового. Следующим логическим шагом является предположение о том, что с учетом соответствующих «вводных» научная элита как носитель одновременно знания и методологии его применения к практическим процессам должна в том или ином виде получать доступ к властным рычагам общества и прежде всего – его «стержневого» института – государства. Прямой практический вопрос, следующий из этого предположения – насколько научные элиты реально представлены в действующей конфигурации властной элиты?

С другой стороны, выход на тему возможен и через более практические вопросы, не связанные с выходом на уровни глубокого социального и социально-философского абстрагирования. Речь идет о генезисе, качественных характеристиках, особенностях рекрутирования и специфике внутренней организации российской политической элиты – теме, интерес к которой объективно растет как со стороны международных исследовательских центров и структур, так и со стороны отечественных исследователей. Наиболее ярким показателем является количество диссертаций на соискание ученых степеней по политическим и социальным наукам, защищаемые российскими исследователями, начиная с первой половины 1990-х гг., с характерными маркерами «политическая элита России», «трансформации политической элиты России», «особенности формирования региональной элиты» и т.п.² [1], [3]. Как следствие, возникает вопрос и о том, как в политической элите представлены выходцы из научной элиты, в какой степени к властным рычагам допущена научная элита и т.д. Важно и то, что в данном аспекте вопрос о политических элитах тесно смыкаются с более общими вопросами госуправления, государственной политики, национальной политической традиции и т.д.

Уже как минимум на стыке двух этих макро-блоков возникает достаточно широкое «неизвестное» пространство, требующее практического исследования и последующего теоретического обобщения, осмысления и концептуализации. Фактически же проблему

¹ С одной стороны, научного и теоретического, и с другой стороны – уникального и неспециализируемого

² В связи с этим примечательно также и то, что данные диссертации защищаются как непосредственно «людьми из науки», представителями академического сообщества, так и «практиками», чья деятельность в меньшей степени связана с академической наукой и в большей – с политическим консультированием политических акторов и государственных органов.

можно сформулировать так: как и насколько представлена научная элита России в системе принятия стратегических политических и управленческих решений, в рядах политической элиты, насколько она способна влиять на политический процесс, а также в чем состоит специфика этого присутствия и влияния.

Серьезные вопросы связаны и с тем, как и в каких терминах понимать и описывать непосредственно научную элиту. Здесь есть целый ряд проблемных аспектов. Первый возникает, когда мы анализируем научную элиту «в себе», т.е. как некую группу внутри академического сообщества. Даже здесь неизбежно разделение подходов, как минимум, по трем осям: вклад в науку и степень научных достижений; административная вертикаль (фактически, элементы «микropolitики» и собственной организационной иерархии внутри научного сообщества); признание со стороны общества и «влияние» на общество. Если же мы рассматриваем научную элиту как некую специфическую социальную группу, включающую в себя часть академического сообщества, но не сводимая только к нему, то неизбежно возникает вопрос о критерии расширения понятия. Своего рода «предельными» (и потому наиболее грубыми) маркерами в таком случае оказываются максимально очерчивающие круги, такие как «наличие высшего образования»/научной степени, либо характер деятельности (преимущественно интеллектуальная либо тесно связанная к современными системами и средствами производства и коммуникации). Однако и здесь нужно поставить – или, по возможности, обозначить – некие принципиальные рамки, иначе мы сталкиваемся с риском нивелировать содержательное наполнение данного понятия.

В таком случае наиболее корректно будет говорить, во-первых, о «научных элитах» как об отдельных и самостоятельных социальных группах, зачастую имеющих сетевой принцип организации, даже если для удобства языкового использования они иногда могут именоваться в единственном числе («научная элита»). Во-вторых, критерием соотнесения является именно характер деятельности, но с важными уточнениями: обладание систематизированным, фундаментальным методологическим инструментарием (интеллектуальным аппаратом) и его дальнейшее применение к решению проблем теоретико-научного либо практико-прикладного характера. Отличие от многочисленных общественных деятелей, активистов, лидеров мнения и проч. в данном случае состоит как раз в «базовой» подготовке с опорой на системные знания.

С учетом обозначенных выше предпосылок мы формулируем ключевую проблему исследования – границы и возможности для влияния и (или) участия научной элиты на политический процесс в России. Фактически же речь идет о том «поле возможностей», на котором в том или ином виде может проявлять себя научная элита в системе политических отношений и взаимодействий субъектов (прежде всего, ключевого субъекта – государства). Соответственно, целями нашего исследования являются понимание (как минимум – в общем виде, на уровне «первого приближения») реального влияния научной элиты на политический процесс, оценка степени его возможного влияния, а также выявление специфических черт этого влияния. Второстепенными целями³ являются формирование предпосылок для дальнейшей концептуализации отношений «власти и знания» на современном этапе истории России, а также определение возможных направлений для «переустановки» этих отношений, в т.ч. с учетом изначальной предпосылки – расширения присутствия носителей научного знания в системе принятия властных решений.

Далее, на стадии перехода к непосредственному эмпирическому исследованию, мы оказываемся перед определенной «методологической развилкой». Первый из возможных сценариев можно назвать общим «количественным» (или, вернее, «объективированным») подходом, ориентированным на сбор и обработку массива биографической и статистической информации о политиках, чиновниках, научных и общественных деятелях

³ Их реализация вторична по отношению к основным и в значительной степени возможна только при условии их достижения.

и т.д. Второй сценарий можно назвать скорее «качественным», или «субъективным» - через систему фокусированных экспертных интервью среди представителей властной и научной элиты выявить представления («факты») о присутствии научной элиты в политической сфере, о степени ее влияния на процессы и решения. Оба способа имеют собственные издержки, связанные не столько с технической процедурой, сколько с «реальными» внутренними ограничениями, которые так или иначе оказываются заложенными в них.

Одна из ключевых проблем, связанных с «количественным» подходом, состоит в объективных сложностях с операционализацией понятий, их четким распределением и выделением в рамках предметного поля. С одной стороны, «элитное пространство» России еще не прошло достаточную степень формализации и дифференциации, экономическая, политическая, административная вертикали во многом «слиты», неразчленены⁴. Следовательно, достаточно сложно говорить о том формальном институциональном каркасе, понимание которого даст однозначное и четкое представление о том, как работает политический механизм. С другой стороны, такие «испытанные» и «надежные» методы, как биографический анализ, социологические замеры образования и карьерной траектории также вряд ли дадут нам приблизиться к реальному пониманию ситуации⁵.

В то же время, серьезные методологические проблемы связаны и с применением «субъективистских» подходов, направленных на выявление мнения и «знаний» людей, в том или ином виде соприкасающихся с политической сферой непосредственно в процессе своей практической деятельности, о политической элите и процессе принятия решений в ней. В известном смысле, здесь в полной мере срабатывает та же самая «закрытость» и «разделенность» элиты и политического класса России, которые серьезно затрудняют процессы операционализации и формализации на уровне государственных институтов, но уже с другой стороны. Принимая за отправную точку факт «закрытости» элиты, мы одновременно вынуждены признать и существующую информационную закрытость элиты – как некое универсальное правило данной корпорации. Следовательно, никакие «внутренние инсайды» в действительности таковыми не являются, а их многочисленные появления в СМИ скорее являются специфической общественной практикой насыщения информационного пространства либо особой формой политической коммуникации, но вовсе не реальным знанием внутренних процессов и отношений, свойственных элите.

С учетом этих факторов, мы определили формат нашего исследования как серию фокусированных экспертных интервью среди представителей научной элиты России (с учетом той специфики, которую мы определили выше), в своей практической деятельности тесно соприкасающихся с политической сферой. Исходя из требования максимальной диверсификации «выборки», в число интервьюеров вошли академические научные работники, «точечно» и на нерегулярной основе участвующие в политических процессах, политтехнологи, имеющие личный опыт региональных избирательных кампаний, представители аналитических структур, как достаточно близко взаимодействующих с различными политическими акторами и государством, так и

⁴ Например, если мы возьмем регулярный ежемесячный рейтинг «Независимой газеты» (www.ng.ru) наиболее влиятельных политиков России (даже со всеми оговорками о том, что этот рейтинг составляется путем экспертного опроса), то увидим, что в нем достаточно мало «чистых политиков» в том понимании, которое вкладывается в этот термин на Западе, в Европе и США. Большую часть рейтинга (до 95%) составляют не депутаты, партийные функционеры, сенаторы, губернаторы и проч., а чиновники, представители госкомпаний, выходцы из бизнеса и т.п.

⁵ Фактически, мы буквально с начала обнаруживаем, что большинство депутатского и чиновничьего корпуса, особенно их высшие эшелоны, практически на 100% обладают высшим образованием (или несколькими), степенями и т.д. При этом фактически «не работает» критерий различения «гуманитариев» и «технарей»: большинство «технарей» после прихода в политика, как правило, либо получило дополнительное образование по гуманитарным специальностям (юридическое, экономическое, по госуправлению, политологии, социологии), либо получило соответствующую «гуманитарную» степень.

независимых центров и структур, сотрудники аппаратов и административных структур, чей статус представителей научной элиты достаточно тесно сближается со статусом чиновников – всего более 10 человек к настоящему времени. По «стажу» и «практическому опыту» взаимодействия с политикой выборка также достаточно диверсифицирована (разброс возраста интервьюируемых – от 30 до 60 лет).

Поскольку ключевой задачей исследования было не «извлечение» каких-либо «эксклюзивных» знаний, а понимание общих процессов и тенденций, выявление наиболее общих специфических черт, связанных с участием научной элиты в политическом процессе, это в какой-то степени обусловило особенности полученных результатов исследования.

В настоящее время исследование продолжается, как по направлению проведения новых интервью, так и в части обработки полученных материалов, однако уже на текущей стадии анализа результатов можно сделать ряд значимых выводов.

Большинство опрошенных указало на необходимость принципиального разделения уровней: принятия решений и реализации решений на практике. В той степени, в какой процесс выработки стратегических политических и управленческих решений носит закрытый характер, можно говорить о том, что научная элита как таковая не принимает в нем участие либо по факту исключена из него. Максимальная степень участия в таком случае возможна на стадии подготовки, однако она не создает условий для влияния на содержательное наполнение этого решения. Напротив, уже на стадии исполнения принятого политическими элитами решения участие научной элиты можно оценить как достаточно серьезное. Фактически, именно здесь ее влияние проявляется в максимальной степени.

Следующую линию разделения можно провести по уровням принятия решений. Хотя из принятия и обеспечения стратегических решений научная элита в значительной степени также исключена, наиболее плотной сферой участия научной элиты является аналитическое и консультативное сопровождение текущей операционной деятельности государственных органов – Администрации Президента РФ, Правительства РФ, министерств, глав субъектов РФ.

Наконец, еще одна важная линия «водораздела» проявляется в отраслевой специфике. Наиболее плотно не только востребован, но и используется потенциал экономистов и в целом – специалистов, обслуживающих работу таких институтов, как ЦБ РФ, Минфин, Минэкономразвития, ФСФР. В меньшей степени, но также значим «спрос» на социологов, причем на всех уровнях, включая регионы. Наиболее сложный вопрос связан с участием политологов и специалистов в сфере политических наук.

Также необходимо обратить внимание на временную динамику. Фактически, влияние научной элиты, а равно и ее присутствие во властных иерархиях проявлялись достаточно неравномерно на разных временных этапах (начиная с 1990-х гг.). В настоящем времени существуют определенные предпосылки для расширения такого участия, причем как в статусе «свободных консультантов» (естественное следствие общей либерализации избирательного законодательства, в т.ч. на региональном уровне), так и при тесном взаимодействии с государством.

Кроме того, большинство опрошенных экспертов сходятся в оценках того, что у власти и большинства ее носителей присутствует некоторое субъективно-личностное представление о глубинной связи между наукой и политикой. В какой-то степени это объясняется советским опытом и существующим в идеологии СССР тезисе о возможности выявлять и постигать законы общественного развития с тем, чтобы строить государственную политику в соответствии с выявленными закономерностями⁶. Практическим же следствием является в целом широко осознаваемая потребность в том,

⁶ Вопросы о том, насколько и как эти выводы применялись в практическом аспекте, в данном случае не являются принципиальными для задач нашего исследования. Наиболее значим тот факт, что, прежде всего, в сознании элиты и ее основных управленческих структур присутствовало данное понимание.

чтобы привлечь в политическую сферу кадрового потенциала, соединяющего управленческие навыки со способностью серьезного и глубокого видения ситуации (как раз свойственной носителям научного знания и научной методологии).

Практически все опрошенные отметили значимость такого фактора, как повышение социального статуса носителя знания в обществе. Также примечательно, что был назван такой аспект, как потеря в обществе статуса носителя фундаментального знания как значимой ценности и доминанты. Отмечается, что в средне- и долгосрочной перспективе это будет являться одним из серьезных негативных факторов не только для научной элиты и ее собственной «социальной судьбы», но и в целом – значимым вызовом в масштабах всего общества и политической системы. На стадии «рекрутинга» он начнет наиболее полно проявляться по мере «смены поколений» и естественного «старения» когорты наиболее активных представителей нынешней научной элиты. Особо остро ставится вопрос и о «кузницах кадров» для будущих научных элит.

Фактически в настоящее время исследование не завершено, данные результаты можно считать предварительными. Большинство из озвученных положений углубляются и конкретизируются. В то же время, даже на этой «промежуточной» стадии можно сделать ряд предположений об основных направлениях, по которым в дальнейшем будет выстраиваться логика исследования. Прежде всего, нам необходимо обратить дополнительное внимание на особенности временной динамики 1990-х-начала 2000-х гг. Кроме того, важно расширить часть исследования, связанную с осмыслением актуальных и непосредственно протекающих процессов. В дальнейшем это позволит выйти на формирование некоторой прогностической модели, оценивающей перспективы и реальные возможности для расширения участия научных элит в политическом процессе России.

Наряду с уже представленными выводами (о роли системного, фундаментального образования в подготовке представителей научной элиты), необходимо отметить вот какие значимые содержательные выводы.

Запрос на расширение участия научной элиты в политическом процессе объективно существует, в значительной части этот запрос формулируют государственный структуры. Однако специфика этого запроса состоит в том, что востребованы, прежде всего, конкретные управленческие предложения, в том числе на уровне проектов законов и подзаконных актов. При этом сами представители научной элиты зачастую не считают данный аспект значимым для себя и потому ограничиваются созданием «интеллектуальных продуктов» (типа «анализа» и «прогноза»).

Своего рода «встречный» вывод касается роли государства. Практически все интервьюированные отметили такой аспект, как повышение общественного статуса представителя научной элиты. С учетом общественной и культурно-исторической специфики России, очевидно, что решение данного вопроса, как и вопроса о формировании и поддержке «кузниц кадров» для научной элиты самого широкого, а главное, разного профиля, находится в значительной степени в сфере компетенции государства.

Наконец, третий значимый вывод касается непосредственно научного сообщества, академического сообщества и научных элит. Важной задачей становится концептуализация накопленного опыта и специфики понимания развития российского политического процесса, особенностей выстраивания политических отношений и взаимодействия между политическими акторами, и в том числе – между научными и политическими элитами. Появление такой концептуальной схемы потенциально может способствовать выстраиванию взаимоотношений между политическими, экономическими и научными элитами в более конструктивном и продуктивном русле.

Литература:

1. Бадовский Д.В. Правящие элиты России. Автореферат диссертации по политологии. М.: 1997
2. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ. 2004.
3. Крыштановская О.В. Трансформация российской элиты. Автореферат диссертации по политологии. М.: 2003
4. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ. 2004.
5. Тоффлер, Э. Третья волна. М.: АСТ. 2010.
6. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books. 1973.